

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-243-249>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«У обоих оказался свой Понтий Пилат»: Леонид Долгополов и Мирон Петровский в споре о Булгакове и Маяковском

© 2022, В.Э. Молодяков

Университет Такусёку, Токио, Япония

Аннотация: Исследователь русского модернизма Леонид Константинович Долгополов (1928–1995) в конце 1980-х и начале 1990-х гг. написал ряд статей о жизни и творчестве В.В. Маяковского, которого считал одним из величайших русских поэтов XX в. Столь же высоко оценивая творчество М.А. Булгакова, он не оставил о нем специальных исследований, но пристально следил за публикациями других авторов, особенно во время «булгаковского бума» эпохи перестройки. Он внимательно прочитал присланную автором статью критика и литературоведа Мирона Семеновича Петровского (1932–2020) о противостоянии Булгакова и Маяковского, опубликованную в журнале «Литературное обозрение» в июне 1987 г., оставил подробные записи на полях и отдельные заметки, впервые публикуемые в настоящей статье по оригиналу из собрания автора. Долгополов критиковал подход Петровского к теме, которая волновала его, и кратко изложил собственное видение проблемы. Булгаков и Маяковский интересовали Долгополова не столько как участники литературного процесса, принадлежащие к разным лагерям и полемизирующие друг с другом, сколько как примеры столкновения гениального художника с властью. Тема трагедии Поэта / Пророка, наделенного высшей миссией и гибнущего при ее выполнении, стала главной в позднем научном и литературном творчестве Долгополова.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, В.В. Маяковский, Л.К. Долгополов, М.С. Петровский, дискуссия, история литературоведения

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков — доктор политических наук, профессор, университет Такусёку, Оцука 1-7-1 G-210, Бункё-ку, Токио, 112-0012, Япония. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473> E-mail: dottore68@mail.ru

Для цитирования: Молодяков В.Э. «У обоих оказался свой Понтий Пилат»: Леонид Долгополов и Мирон Петровский в споре о Булгакове и Маяковском // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 243–249. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-243-249>

В июньском номере 1987 г. московского журнала «Литературное обозрение» в разделе «Современность классики» вышла статья киевского критика и литературоведа Мирона Семеновича Петровского (1932–2020) «Два мастера. Владимир Маяковский и Михаил Булгаков». В октябре автор отправил ксерокопию статьи в Ленинград с дарственной надписью: *Леониду Константиновичу Долгополову / сердечно и почтительно — / в знак согласия и несогласия — / Мирон Петровский. / Киев / I.X.87*. Исследователь русского символизма и литературы рубежа веков Леонид Константинович Долгополов (1928–1995) внимательно прочитал статью, поскольку в то время оба героя были предметом его пристального внимания. На полях он оставил много карандашных замечаний, критических и порой резких, что было его обыкновением. Тема статьи не просто заинтересовала, но взволновала его. 6 ноября Долгополов отдельно записал впечатления и размышления по поводу прочитанного (автограф, 3 листа), что делал нечасто. Эти замечания и заметки представляют интерес как диалог ученых (сведениями об их личных отношениях я не располагаю) и возможность проникнуть в «творческую лабораторию» одного из них, как примета литературной жизни бурной эпохи, как эпизод истории отечественного литературоведения, переживавшего значительные перемены. Тексты Долгополова публикуются впервые по оригиналам, находящимся в моем собрании; сокращения, смысл которых не вызывает сомнения, раскрыты без дополнительных обозначений.

За треть века со времени выхода статьи Петровского наши представления о Маяковском, Булгакове и всей эпохе изменились радикально, но именно во время ее публикации эти изменения стали заметными. Официально Маяковский оставался «лучшим и талантливейшим», но уже можно было спорить о нем и с ним, а не повторять благоговейно его слова, включая выпады против того же Булгакова. Официально Булгаков не был признан классиком русской литературы, но таковым его уже считало если не большинство, то изрядное количество людей, писавших и размышлявших о литературе, включая Петровского и Долгополова. В официальной советской «табели о рангах» Маяковский стоял неизмеримо выше Булгакова. В не-советской (не говорю: анти-советской) — таковая если и существовала, то лишь как некий консенсус индивидуальных оценок, а не жесткая система, — они были как минимум равновелики. Вторая половина 1980-х гг. — «булгаковский бум», о котором упомянул Петровский в начале статьи, время многочисленных изданий и переизданий произведений Булгакова массовыми тиражами, время

расцвета булгаковедения, в том числе с использованием наработок предыдущих лет, которые оказались очень востребованными. Это и время критики Маяковского, попыток свести его с советского пьедестала, если не вовсе сбросить с парохода классики.

Не берусь категорично утверждать, что для Петровского, одного из основоположников булгаковедения, диалог еще-не-классика Булгакова с классиком Маяковским, которому посвящена статья, был аргументом в пользу Булгакова при разговоре о нем на страницах ведущего официального литературоведческого и критического журнала. Но берусь утверждать на основании опубликованных текстов и личного общения, что для Долгополова — исследователя, читателя и любителя стихов — со второй половины 1980-х гг., вне зависимости от любой конъюнктуры (которой он вообще не был подвержен), Маяковский стал одним из величайших, если не величайшим поэтом эпохи начала XX в., как минимум равновеликим Блоку, Ахматовой и Пастернаку, а может и превосходящим их. Булгакова — как автора «Мастера и Маргариты» — он также вне всякой конъюнктуры считал одним из величайших русских прозаиков XX в. Это надо иметь в виду при чтении его заметок и комментариев.

Петровский рассматривал Булгакова и Маяковского как литераторов, участников литературного и театрального процессов эпохи, представителей конфликтующих лагерей, а их отношения как «очевидное противостояние и неожиданную близость» [2, с. 30]. Он использовал название «Мистерия-буфф» в качестве жанрового определения драматургии и прозы Булгакова, что вызвало несогласие читателя. «У исторической оперетки, — писал Петровский о «Белой гвардии», — в отличие от театральной, нет и не может быть зрителей: все — участники. Легкомысленнейший фарс на сцене Вечного города, вселенский катаклизм на балаганных подмостках, — это она и есть, булгаковская “мистерия-буфф”» [2, с. 31]. «Совсем нет», — возразил Долгополов. На полях первой фразы следующего абзаца: «Труднее выделить столкновение мистериального с буффонадным в “Театральном романе”...», — он коротко приписал: «А зачем?».

Маргиналии становятся многочисленными и содержательными, когда дело доходит до любимой темы позднего Долгополова — темы Поэта / Пророка и его отношений с властью. «Коллизия поэта и власти для Булгакова мистериальна и возводится к своему евангельскому прообразу, тоже присутствующему, — к нищему философу перед могущественным игемоном» [2, с. 31]. На полях: «*Это же предсказан [так!] Маяковский! Уже зная его судьбу*». Долгополов отталкивается от текста, а не комментирует его. К упоминанию «”Поэмы без героя”

Анны Ахматовой (поэмы, заметим, не только без героя, но и не без влияния “Мастера и Маргариты”») [2, с. 32] он приписывает «не только *не* без героя» и формулирует на полях свои тезисы: «У Ахматовой Поэт = Христос, Поэт = Маяковский, Маяковский = Христос. У Булгакова — Га-Ноцири = и Христос, и Маяковский». Эти мысли он подробно развил в статье «Миф о поэте и “Поэма без героя” Анны Ахматовой», над которой в то время работал [1, с. 96–122]. К словам «оба все-таки дети одной эпохи» [2, с. 32] Долгополов приписал: «У обоих оказался свой Понтий Пилат и свой синедрон».

Петровский уделил особое внимание «мольеровской» теме у Булгакова и Маяковского, рассматривая комедии последнего как ее развитие (Журден — Присыпкин). «Маяковский и Булгаков предстают как два мастера, художники-современники, создавшие парафразы одной и той же мольеровской сцены. Мольер оказывается — как бы на мгновение — общим культурным знаменателем Булгакова и Маяковского. Общий знаменатель, пусть самый малый, обнаруженный у двух столь различных и воинственно противостоящих друг другу художников, должен быть отмечен» [2, с. 32]. «Чепуха, — парировал Долгополов. — У Булгакова личная драма, у Маяковского — драма, на которую он смотрит с высоты». «Позиции разные», — прокомментировал он упоминание о том, что «в конце 20-х годов театральная пресса неоднократно сближала, например, antimещанскую сатиру в “Зойкиной квартире” и в “Клопе”» [2, с. 33]. Здесь выражен принципиально разный подход: Петровский остается в рамках литературоведческого анализа текстов, Долгополов сравнивает судьбы и взгляды авторов, выдвигая на первый план психологические и этические проблемы.

«Образ Мольера начинает беспокоить творческое воображение Булгакова, когда уже шел к трагическому концу жизненный путь Маяковского» [2, с. 32]. «Вот с этого и надо начинать», — заметил Долгополов. Следующий его комментарий относится к теме ожидания обоими героями «разговора» с властью — Мольера с королем, Маяковского с руководством страны на выставке «20 лет работы»: «Но если и ждал [Маяковский] (Сталина?), то совсем, совсем с другой целью! Разве это не ясно?»

Заключительная часть статьи о споре «Багрового острова» с «Мистерией-буфф», «Клопа» и «Бани» с «Багровым островом» и «Роковыми яйцами» интереса у Долгополова, похоже, не вызвала. «Очень сомнительно, а если нет — то мелко и неинтересно», — оценил он рассуждение о возможных коннотациях имени Саввы Лукича («Савва» Леонида Андреева, Савва Морозов) и о Победоносикове

как ответе на этот булгаковский персонаж. [2, с. 35]. Уже в середине статьи Долгополов сделал вывод: «*Много лишнего, многословно, много натяжек, главное не понято, но есть чудесные находки*». Его захватили собственные рассуждения о «главном».

Отношение Булгакова к Маяковскому близко к отношению Ахматовой и Пастернака: величайший из поэтических гениев, но использовавший свой гений для забивания гвоздей (или закручивания гаек). И при этом понимавший всю свою несоизмеримость с окружающей его литературной средой. Лилипуты сгрызли великана, — и он дал им сделать это пакостное дело тем, что обратил на них внимание, увидел их. Да и не только литературная среда, вся эта нечисть общечеловеческая, необходимая при любом строе.

В чем смысл булгаковского романа? А очень просто: в том, что, только совершив поступок, человек начинает понимать, *что* он сделал. Либо большое и значительное (Мастер и его роман), либо недостойное и трусливое (Пилат и его предательство человека, не сделавшего никому никакого зла). Эти две линии — два осмысления двух поступков (вернее, поступка и его интерпретации).

И если Мастер — вылитый (но смирившийся) Мандельштам, то Маяковский раздвоен между Иешуа и Пилатом. Это метод Ахматовой (соединить противоположные черты в одном образе или разделить один образ на два и более, с противоположными чертами). Как Иешуа, Маяковский принес новую веру (в ее поэтическом оформлении), но исторически она оказалась ложной, что *всегда* понимал Булгаков, а Маяковский стал понимать только к концу жизни (выставка и др.), и вот этот второй Маяковский, уже понявший всю ложность своей позиции, убивает себя - в жизни выстрелом в сердце, в романе Булгакова — приговором Синедриона и трусостью Пилата. Пилат спорит с Иешуа Га-Ноцри по тем самым вопросам, которые ставил в своих стихах 20-х годов Маяковский, спорит с его романтической верой: он реалист, он знает и людей, и историю. Христос не верит ему, а когда поверил — дал убить себя (застрелился — в жизни).

Булгаков же тоже неисправимый романтик, и он здесь на стороне Маяковского, хотя тот и издевался над ним. Он говорит ему:

Почему твоя лодка брошена

Раньше времени на причал?

Раньше времени, т.е. пришло бы время, и ты сам бы все понял, как понимал это всегда я.

Поступок и его осмысление (плата за него) — это есть и история, и единичная человеческая жизнь. Только это, больше нет ничего.

[На полях:] Вставить это в статью о «Поэме без героя» и Маяковском. Очень подходит. У Ахматовой Поэт — не только Маяковский, он еще и Христос, и бог вообще.

Что же получается? Что Мандельштам написал роман о Маяковском, разделив его на Иешуа и Понтия Пилата? «Вековой собеседник луны» — а луна-то у Булгакова, лунный луч, по которому поднимаются оба героя, теперь окончательно в едином? (Маяковский дореволюционный, Алеша Карамазов, и Маяковский 20-х годов — Понтий Пилат, жестокий прокуратор. Христос и его антипод — в одном лице, в одном человеке, насильственно, руководствуясь ложной идеей, пытавшемся пересоздать себя и... не сможем это сделать).

Публикуемые записи, относящиеся к заключительному периоду научной деятельности Долгополова — после завершения, согласно авторской помете, 31 декабря 1986 г. книги «Андрей Белый и его роман “Петербург”», — отражают эволюцию его исследовательских интересов от «истории литературы» к «философии литературы» (предлагаю этот термин по аналогии с «философией истории»). Если о Маяковском он в конце 1980-х и начале 1990-х гг. написал ряд статей, заслуживающих переиздания, то Булгакову специальных работ не посвятил. Замечания на полях статьи Петровского и заметки, сделанные после ее чтения, показывают, что именно интересовало ученого и в каком направлении двигалась его мысль.

Литература

1. Долгополов Л. Прогулки с Блоком. Неизданное и несобранное. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 336 с.
2. Петровский М. Два мастера. Владимир Маяковский и Михаил Булгаков // Литературное обозрение. 1987. № 6. С. 30–37.

Research Article

“They both had their own Pontius Pilate:” Leonid Dolgoplov and Miron Petrovsky Discussing on Bulgakov and Mayakovsky

© 2022. Vassili E. Molodiakov
Takushoku University, Tokyo, Japan

Abstract: Russian Modernism scholar Leonid Konstantinovich Dolgoplov (1928–1995) in the late 1980s and early 1990s wrote several research articles on life and

works of Vladimir Mayakovsky whom he considered one of the greatest Russian poets of the 20th century. Dolgoplov also highly appreciated works of Mikhail Bulgakov; he wrote no papers on him but closely watched other scholars' research, especially during "Bulgakov's boom" of the Perestroika years. Dolgoplov carefully read the article about Bulgakov vs. Mayakovsky confrontation by a literary critic and scholar Miron Semenovich Petrovsky (1932–2020) published in influential magazine "Literaturnoe obozreniye" ("Literary Review") in 1987, June. Petrovsky sent him a copy inscribed "as a sign of agreement and disagreement." Dolgoplov made detailed marginalia and wrote separated notes on this subject which are published here for the first time (originals in the present author's collection). Dolgoplov criticised Petrovsky's approach to the subject which was important to him and briefly outlined his own view. Dolgoplov was interested in the both Bulgakov and Mayakovsky not as much as participants of the literary process, belonging to different camps and polemicizing with each other, but as examples of a collision between the great artist and the political power. Tragic destiny of the Poet / Prophet endowed with a higher mission and dying while completing it was a major subject of Dolgoplov's late research and literary work.

Keywords: Mikhail Bulgakov, Vladimir Mayakovsky, Leonid Dolgoplov, Miron Petrovsky, discussion, history of literary studies

Information about the author: Vassili E. Molodiakov — Dr. Habil., Professor, Takushoku University, Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5892-0473> E-mail: dottore68@mail.ru

For citation: *Molodyakov, V.E.* "They Both had their own Pontius Pilate: Leonid Dolgoplov and Miron Petrovsky Discussing on Bulgakov and Mayakovsky." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (23), 2022, pp. 243–249. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-243-249>

References

1. Dolgoplov L. *Progulki s Blokom. Neizdannoe i nesobrannoe [Walk with Block. Unpublished and Uncollected Writings]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

2. Petrovsky M. "Dva мастера. Vladimir Mayakovsky I Mikhail Bulgakov" ["Two Masters. Vladimir Mayakovsky and Mikhail Bulgakov"]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 6, 1987, pp. 30–37. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.06.2021

Одобрена после рецензирования: 03.09.2021

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 04.06.2021

Approved after reviewing: 03.09.2021

Date of publication: 25.03.2022